

Анна Ратина
И взаимно притом

Анна Ратина

И взаимно притом

«Издательские решения»

Ратина А.

И взаимно притом / А. Ратина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857761-1

Эта книга — сборник записей обо мне, моей семье и моем сыне, которые я делала в течение почти 12 лет. «Сборник» — не совсем точно; скорее — коллаж, лента реплик, сюжетов, впечатлений. Мне, кажется, удалось сохранить и передать самое важное для меня — увы, я часто теряю его за сиюминутным — то, как сильно я люблю тех, кто рядом со мной, какой они близкий, но отдельный, бесконечно сложный и бесконечно радостный мир. Надеюсь, удастся поделиться этим с теми, кто будет читать книгу.

ISBN 978-5-44-857761-1

© Ратина А.
© Издательские решения

Содержание

Семейный портрет	6
Д	8
АС	9
ТС	10
Мабушка	11
Другая жизнь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

И взаимно притом

Анна Ратина

© Анна Ратина, 2017

ISBN 978-5-4485-7761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У нас с мамой дома был одиночный том из собрания сочинений Леонида Пантелеева. Не рассказы и не ШКИДа, а повесть «Наша Маша». Я в первый раз прочла ее очень рано, когда сама была близка по возрасту к героине, дочке писателя Маше Пантелеевой. Потом часто перечитывала, мама тоже, и какие-то словечки оттуда даже вошли в нашу семейную речь: мамсичек, босикомые... Что-то было непонятно (зачем им домработница? почему Маша не ходит в детсад?), что-то раздражало, но вдумчивый интерес родителей к дочке, к ее слову, настроению, душевному порыву вызывал уважение. Этим интересом книга была наполнена, он передавался. И нравилось: девочка уже выросла (об ее непростой судьбе я узнала сильно позже), но и она-маленькая – вот, в тетрадах, блокнотах, потом на страницах книжки. Хорошая привычка – записывать за ребенком, думала я.

Ко мне не пристают хорошие привычки, не пристала бы и эта, если бы не Живой Журнал, который стал моим блокнотом для записей о сыне. Появились читатели – помощь моему честолюбию, а значит, и старанию.

Сын неплохо заговорил в два с половиной года, я прилежно записывала. Хорошо помню одну из первых записей, про то, как он пересказывал мне «Репку».

– И позвала косяка мисику.

Долгая пауза.

– Так мышка пришла – и что?

Трагично и серьезно:

– Мисику не пьшила...

– Почему?!

– Она била дугом месьте...

Я потрясена:

– В каком другом?

– Ду-гом. Она тям бизяла... хостиком махнула... яицко упаё и язбиось...

Так вот, я записывала, и какие-то его словечки тоже вошли в нашу и наших знакомых речь: высшей оценкой чего-либо стало слово «кьясота» (произносить с придыханием, протяжно), худшей – «безобьязие» (сдвинуть брови), толстых голубей вся наша семья называла вслед за ним «кунякáми». Я с грустью ждала финала, предсказанного Чуковским – от двух до пяти! до пяти! – но сыну исполнилось и пять, и шесть, а записей появлялось все больше.

Сейчас, когда я наконец собрала все, что писала о сыне, о себе и о нас почти двенадцать лет подряд, ему исполнилось 14. К рассказам о своем детстве он относится с некоторым раздражением, называя то время «возрастом неразумства». Наверное, я немного опоздала с этой книгой, но все же – с согласия сына, разумеется, – рискую ее напечатать. Я с самого начала старалась быть в своих записях немного отстраненной. Это не фотография, не хроника, не документ; скорее – набросок. Силуэт, деталь – готово. Похоже? Он? Мы? Похоже, он, мы. Но не весь он и не вся наша жизнь.

Семейный портрет

4 года

Долго-долго корпел над мозаикой. Сложил. Прислонил получившееся к шкафу, отошел, посмотрел. Подумал. Объявил:

– Семейный пайтгет!

Спрашиваю – а где тут я? папа?

– Вас тут нет.

– А кто же есть?

– Паовоз. С фонаём. И солнце. Оно пьотянуло лучик паовозу, а паовоз светит фонаём на солнце. Къясота.

Федором звали моего деда. Я была его младшей и любимой внучкой. Любовь он выражал так: терпел. Суровый был человек, жизнь его сильно обижала. Когда я родилась, ему было 69 – по-нынешнему «всего», но у него позади была война, ранение, контузия, тюрьма, водка, гибель старшего сына. Он здорово устал к своим 69-ти. Вряд ли ему хотелось все летние дни (я была приезжей, летней внучкой) смотреть за ребенком, пусть и послушным. Но он терпел. Брал меня на огород, за грибами. Ждал, пока я плескалась в речке. Переживал из-за моих синяков и порезов. Он умер, когда мне было 14. Почему-то я сразу решила назвать сына, если он у меня появится, Федором. Благодарность? Чувство вины? Вряд ли; просто захотелось.

3 года

Когда шкет бесится, его зовут не Федя, а Кунделёвский. А меня, когда он бесится, зовут Тяпочкин. Так повелось. Поэтому, когда он несется на меня и хищно кричит: «Тяпочкин!» – это значит, что мы будем беситься. И я в ответ кричу: «Кунделёвский!!! где твое пузо?! – я съем его с кетчупом!!!»

Беситься у него называется – щучиться. «Я тебя сейчас буду щучить!!!»

А я ему сказала: «Что ты орешь как маленький? ведь такой уже огромный пузёц!» На что он ответил, что он не пузец, а спинёц. Потом разошелся и сказал, что он: носец, ушец, глазец, ручец, лобец и пр.

Кунделёвский – спинёц.

7 лет

Появился у него свой телефон. Во всех наших телефонах он записан как ФЕДЯ. Вот звонок, у меня на экране – ФЕДЯ, я отвечаю, говорю: «Федька, привет!», а он:

– Здравствуй, мама. – (пауза – и, чтоб уж наверняка) – Это я, Федя.

3 года

Вечером, после ванны, сидит в пижаме, розовый, чистенький. Смотрит на меня добрыми глазами:

– Ну, съто? Я Федя. А ты думала – кто?

– Кто?

– Ты думала – агнеёчек? (ангелочек)

Сначала в записях я называла сына – а за мной и все – шкет. Прижилось. Отпраздновали пятилетие и увидели, как он вырос (эта августовская стрижка, которая открывает незагоревший лоб – такой вдруг большой и упрямый, – шею, тоже вдруг длинную и худую, уши...).

Я стала просто, как в смс маме и друзьям, писать первую букву имени, Ф. В записях сократились и все остальные: муж, Денис, вначале уважительно именовавшийся «мужем и отцом», стал Д. Великолепный мой свекор, чье имя и вслух долго выговаривать – Александр Савватиевич – АС. Татьяна Сергеевна, свекровь – ТС. Сравнительное разнообразие досталось моей маме, Надежде Федоровне: маленький Ф от ее нечастых приездов впадал в агитацию, путался и вызывал к жизни то бабушку, то маму.

Д

Ф перестал спать днем в саду (что жаль, конечно, со сном он гораздо спокойнее). Рассказываю об этом Д. Он, ностальгически:

– А я тоже в саду не спал. Меня даже за это наказывали. В угол ставили.

– В угол ставили, чтоб спал?

– Зря смеешься! Я, спасибо углу, единственный из всей группы видел стыковку «Союза» и «Аполлона». Я в воспитательской в углу стоял, а у них телевизор был включен. Новости. Вот и увидел!

Стоит носом в угол мальчик в шортах и краем глаза смотрит новости. А там стыковка космических кораблей. А телевизор черно-белый. Эпоха.

АС

Для родителей мужа Ф – единственный, поздний и долгожданный внук. И если бабушка просто очень его любит, то дед видит в нем наследника, преемника и продолжателя. Во всем.

Говорит:

– У меня первая группа крови, у Татьяны – не знаю, какая, у Дениса – первая, как у меня. Интересно, какая у Феденьки. Известно уже?

Я:

– Известно, конечно. Вторая.

АС, помолчав немного, с искренним сожалением:

– Жаль...

* * *

По телевизору – концерт к юбилею Юрия Визбора, 80 лет. Одногодок АС, они учились в одной школе, только АС классом младше. Спрашиваю – а вы его помните? АС, задрал нос:

– Так, смутно. Мы не общались с той параллелью. У меня своя компания была... мотоциклы, потом чувихи...

Однако же напевает «Солнышко лесное». После слов «Где, в каких краях встретимся с тобою» с характерной миной добавляет: «Если, разумеется, у меня будет желание».

* * *

Ф нашел старый фотоальбом АС.

Наш дед – большой педант. У него все фотографии подписаны: год, место, спутники, фон. Если фоном машина – то ее модель, год выпуска. Есть фото из армии, где он в радиорубке, с телефоном в руках; подпись – «Ратин с телефоном модели такой-то».

(Себя, кстати, подписывает исключительно в третьем лице.)

И вот фото 1958 года. До знакомства со свекровью еще, значит. Молодой АС (красавец!) на мотоцикле в окружении каких-то девиц.

И подпись: «Ратин и другие».

ТС

Федор в очередной раз свалился с табуретки, знатно приложился головой – и ничего, отряхнулся и пошел. Мы с ТС рассуждали после этого, как же Бог детей хранит, держит за уши во время опасных их игр, прыжков и затей. И ТС вспомнила.

Она родилась в сорок втором, отец погиб. Таких детей после войны по соседству был целый двор – даже четыре двора: стояли рядом четыре двухэтажных дома на Соколе, полно ребятни разного возраста. Весь день на улице, играли в войну – рядом были картофельные поля, там они рыли окопы. Еще в партизанов играли. Однажды «фрицы» во время игры поймали «поджигателя», мальчика Леньку. Сделали ему табличку «Поджигатель», накинули веревку на шею и повели вешать – все как в кинохронике, которой уж они-то пересмотрели немало.

ТС: «Знаешь, я уверена: не останови нас взрослые – повесили бы натурально». Спрашиваю: а Ленька-то сам чего? отбивался? боялся? ТС, буднично: «Нет, мы серьезно играли, он шел геройски, не дрожал».

Мабушка

Мама родилась и выросла в деревне Курганской области. Ее родители были школьными учителями. А ее мама, то есть, моя бабушка, Анна Матвеевна, еще и директорствовала. Она единственная из всех женщин в деревне носила туфли на каблуке. Улицы немощеные, пыльные, каблуки оставляли следы-точки. Люди говорили: «О, Аннушка пробегала».

* * *

Мама бабушки, моя прабабушка, семь лет перед смертью лежала, была парализована ниже пояса. Раз шестилетнюю маму оставили с нею дома и сказали никуда не ходить – вдруг что-то понадобится бабушке. Было лето, жара, мама хотела гулять. Бабушка ей – Надя, нельзя, отец же сказал. А Надя – а уйду, ты ведь не встанешь, что ты можешь сделать?

Мама рассказывает и сокрушенно добавляет: «Еще танцевала перед ее кроватью и фигурки ей показывала».

Я охаю: и ушла? – Убежала! – А потом? – Отец вечером выпорол.

* * *

А напротив их дома, через поляну, стояла церковь, тогда служившая зернохранилищем. (Надо видеть, как мама рассказывает о ночных – чтоб испугаться как следует – походах в церковь: «Купол большой, а в куполе Бог вот так – взмахивает широко руками, – а в пупе у него крюк, а на нем веревка. Мы на ней раскачивались».)

Однажды ночью церковь загорелась от молнии. Огонь мог легко перекинуться на дома. Сказали: будь готова, может, придется выбегать, собери самое ценное. Мама надела школьную форму, пионерский галстук, два фартука – белый и черный, два пальто – демисезонное и зимнее, взяла портфель с книжками и кота Ваську.

Пожар потушили, выбегать не пришлось, мама так и уснула в двух пальто.

Вот они, мои.

Ф похож на всех и не похож ни на кого.

Вот насунится, сведет брови – вылитый папа и дед. Кажется, что сейчас заложит руки за спину и скажет: «Как показывает опыт...» или «История этой вещи такова...»

Вот рассмеется – такую же сияющую улыбку я иногда вижу у мамы.

А когда он мрачно скандалит за три часа до запланированного выхода из дома – ничего не готово! мы опоздаем на самолет! – я вспоминаю его прадеда, Федора Андриановича. В день любого отъезда он брился с раннего утра, за те же три часа до запланированного выхода надевал светло-серый пиджак с орденскими колодками, садился на скрипящий стул у двери, клал парадную – в сеточку – шляпу на колени и начинал ждать, неодобрительным и тяжелым взглядом наблюдая за нашими сборами...

3 года

Все двери в квартире – в щербинах и вмятинах: Федор, находясь в дурном настроении, стучит по ним разными своими игрушками (чаще всего – молотком).

Бабушка Надежда Федоровна, наблюдая за внуком: «Вылитый прадед. Ну, отец. Тот тоже... гардину повесить пытался как-то. Так всем досталось – гардине, что кривая, строителям, что стену косо положили, маме, что зачем-то хочет штору вешать, мне, что стремянку не так держу...»

И, обращаясь ко мне, невозмутимо: «Кто предупрежден – тот вооружен».

2,5 года

АС часто говорит Федьке: «А вот твой прадедушка Савва так никогда не поступал» или «Это чашка еще твоей пра-прабабушки Кати». Предки присутствуют постоянно, хоть и незримо.

И вот Федька недавно ходил с камнем и выдавал его за пирог: «Я испек пиог! Йог такой. Кусный очень». Но никто на пирог не обращал внимания, и шкет решил придать ему веса: «Нет! это ни я. Это ищё мой пъя-пъядедушка испек этот пиог...»

Другая жизнь

Я, как и все молодые мамы с первым ребенком, вела дневничок – вес, рост, прикорм, достижения. Долго упрашивала Д написать туда тоже хоть что-то – сын, мол, растет, а где тут ты? Он отнекивался: не умею, почерк плохой. Потом сдался. Посидел, попытал, вернул мне дневник, выражение на лице имея неопишное.

В дневничке стремительным корявым врачом почерком было написано следующее:

«Федяшка стал заметно активнее. Легко встает на колени и на руки, опираясь при этом на кисти и лучезапястные суставы. Можно отметить заметное улучшение чувства равновесия, так как точки опоры при таком положении не выходят за площадь туловища. Мальчик свободно и активно раскачивается в этом положении в направлении вперед-назад. Присутствуют некоторые попытки ползания, за счет скоординированного движения ног, без участия рук» и т. п.

Блокнот с дневничком и записью Д никуда не делся, стоит на полке; как же долго живет и бумага, и разная другая чепуха, ерунда. Как странно прочно это непрочное, выныривающее то тут, то там, и напоминающее, напоминающее.

5 лет

Ф осмысливает родственные связи. Требуется рассказать, что было, когда я и папа были маленькими. «Вспоминает», что было, когда он сам был маленьким и даже что было до того, как он был маленьким.

– ...и вот папа выучился и стал врачом.

– А потом?

– Начал работать.

– А потом? Встѣтил тебя?

– Ну да.

– А потом?

– Мы поженились.

– А потом? А потом?

Я задумываюсь: что отвечать, как формулировать – что вообще ему интересно?

– Мама, а потом? – и тут же шепотом подсказывает, – Ну, говори: суп с котом!

6 лет

– А как вы с папой познакомились? Он тебя увидел – и что? сразу полюбил?

– Ну, говорит, что сразу...

Ф, деловито:

– В обморок упал?

3 года

Денис рассказывает Федору сказку про трех поросят. Я подслушиваю:

– И волк упал прямо в огонь! И был у него, у бедного, ожог второй – (задумчиво) – а может, и третьей степени...

А потом «Дюймовочка»:

– Голосок у Дюймовочки был нежный-нежный. А потому что, Феденька, у нее были коротенькие голосовые связки...

4 года

Сидим в кафе. Вдруг Ф, бросив вилку, срывается с места и припадает щекой и ухом к отцовской груди. Я умиляюсь – какой любящий сын.

Ф, скосив глаз, поясняет:

– Слушаю, как еда идет по папиному пищеводу.

6 лет

Ф, побывав в отделении у Д и насмотревшись на его работу, печатал на компьютере «историю болезни»:

«В ЖЫЛУТКЕ ПРОИСХДИТ ШТОТО НИТАК И ТОГДА БОЛЕЗЬНЬ РОЗНОСИЦА ПОФСИМУ ОРГОНИЗМУ».

А еще рисовал схемы. Елочка с красным шариком – это «БОЛЕЗЬНЬ В РЁБРАХ» (елочка – ребра, а красное – болезнь). Еще: «ЗАБАЛЕВАНЬЯ Ф ПРЕМОЙ КЕШКЕ» (труба, изогнутая под прямым углом – прямая кишка. С красным же в ней заболеванием).

* * *

Я неважно себя чувствовала, и Ф меня лечил: щипал хирургическим пинцетом, светил фонариком в глаза и уши. Потом написал диагноз: «ПОВРЕЖДЕНИЯ СОСУДОВ В ЖЫВАТЕ И СОСУДОВ НОСА. ЧУЧУТЬ».

* * *

Спрашивает, что такое Царствие Небесное. Объясняю, как могу.

– А там кто?

– Не знаю, откуда мы можем знать.

– Пушкин – там?

– Вот Пушкин – там. Думаю.

– Там, там. А Лермонтов?

– Не знаю, Федь.

– И Лермонтов там.

– Хорошо, там.

– А Николаевич... Лев Николаевич Толстой?

– Не знаю, честное слово.

– Там!

Уходит. Возвращается:

– И Кутузов там.

Снова уходит. И снова возвращается:

– И Багратион. А еще?

3 года

Шкетович бунит. Кричит басом, скандалит, пытается драться. «Всё, я тебя обидил! Всё!» – тут же изумленно ахает – «Как же я тепей буду зить?..»

А ничего, живет. Просит прощения, потом все заново.

Веселее всего, когда он принимается ругаться с Д. Характеры у них похожи, оба упрямые. Что будет лет так через десять?..

4 года

Играет, потом вдруг замирает:

– Знаишь? я так люблю папу, што даже глаза закыть не могу!

Иногда я плачу из-за воображаемых вещей. Из-за того, что еще не случилось, а может, и не случится. Чаще всего тогда, когда представляю свадьбу. Ведь будет когда-нибудь у Федора свадьба? Вдруг она будет большая, семейная? А я окажусь там без тебя. Ты не увидишь сына взрослого, красивого, торжественного, начинающего что-то новое – Бог весть, какое. Не пожелаешь ему, чтобы это новое получилось. Я буду без тебя.

Мы были обычной благополучной семьей: желанный ребенок, любимая работа, помощь бабушек и дедушки. После того, как пришла болезнь, мы стали крепкой семьей. Я представляла: ты будто бы боксер, а я жду тебя в углу, с мокрым полотенцем и ободряющим словом. Если проиграем – то вместе.

Легко не было – но как часто в награду доставались моменты счастья, острого, до боли в груди, до перехвата дыхания. Мне доставались точно.

Вот ты говоришь о диагнозе. Я помню, где сидел ты, где стояла я, какое на мне было платье. Ты говоришь: «До Федькиных десяти лет дотянуть хотя бы». И больше мы об этом не заговариваем. Федору еще нет четырех.

Вот мы долго гуляем под летним дождем в окрестностях Гематологического центра – тебе разрешают. У тебя с собой в рюкзаке пластиковая бутылка, потому что нужно собирать анализ – суточная моча. Нам ужасно смешно от этого.

Вот у тебя уже нет волос, бровей и ресниц. Но ты встречаешь меня у входа. В палате тебя вдруг начинает тошнить, и ты страшно кричишь на меня – вон, немедленно пошла вон!

Вот мы выходим из Гемцентра, раздарив врачам и сестрам тонну цветов. Весна. Ремиссия. Мы счастливые и глупые.

Вот возвращаемся через полгода. Сверхранний рецидив, смотрите, в этом случае кривая выживаемости – резко вниз. Я киваю словам врача.

Вот аутотрансплантация, санация костного мозга, стерильность, тебе очень больно, а мне всего лишь жарко в халате, шапочке и маске.

Вот ты, снова победив, уходишь – и я рядом, – но на этот раз тихо. Доктора улыбаются и не верят.

Вот контрольное обследование, ты у врача, я замираю под дверью кабинета. Чисто! И еще одно! И еще! Все говорят – феномен!

Вот у тебя непонятная температура.

Вот ты теряешь половину веса.

Вот твои глаза голубые, как у младенца, на улице страшное лето 2010-го года, такую жару не перенести и здоровому, мне говорят – готовьтесь.

Вот снова ты всех удивляешь, снова ты чудо, снова ты выжил – но почему все с такой жалостью смотрят на нас?

Вот ты не помнишь, какой год, вот ты перестаешь вставать, вот ты говоришь только мое имя – оно короткое, ты просто стонешь его.

Вот снова Гемцентр. Как я устала, если бы ты знал, как я устала – говорю я, упершись головой в бортик твоей кровати. Ты молчишь. Ты уже не произносишь даже моего имени. А я не знаю, что осталось полдня.

Федору семь лет и восемь месяцев.

...Сидим с Д в его больничной палате, молчим, смотрим на голубей за окном – он им на подоконник хлебные крошки выкладывает, приманивает. Голуби цокают коготками по жести. Муж вдруг говорит:

– Какая кьясотааа, как сказал бы Федя, – и, помолчав, добавляет, – Вот ты все дергаешься, что он букв не знает, цифр. Зато он видит, где кьясота...

5 лет

Очень выразительные у Ф брови; вернее, места для будущих бровей.

Утром вот:

– Федь, доешь кашу.

Хмурится изо всех сил, сурово глядит:

– Нет! Ни-за-што! – подумав, добавляет. – Ни в комим случаем! Я не люблю кашу!!!

Я:

– А я не люблю, когда ты так орешь!

– А я не люблю кашу!

– А я не люблю, когда ты орешь!

Решаю как-то сойти с этого круга. Обращаюсь к Д:

– А ты чего не любишь, скажи нам.

Д, не отрывая глаз от Евроньюса по телевизору, продолжая есть кашу, буднично:

– Я? я не люблю холодного цинизма.

6 лет

Ф бегал по квартире со своим глобусом. Я говорю – поставь, уронишь же, да поставь уже поскорее! Он не поставил. И разумеется, уронил. И глобус откололся от подставки. Теперь подставка отдельно, полукруглая такая штука отдельно, шарик отдельно. Прогнала Ф подальше, чтоб не покусать, а потом, остыв, говорю Д мирно:

– Знаешь, у меня в начальной школе тоже был глобус, и я тоже его уронила, и он тоже точно так же сломался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.